

Шаулов Сергей Сергевич

"ГЕРБАРИЙ" В. С. ВЫСОЦКОГО И "ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЕ" ТЕКСТЫ А. С. ПУШКИНА И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье анализируется связь стихотворения В. С. Высоцкого "Гербарий" с эпиграммой А. С. Пушкина "Мое собрание насекомых" и – впервые в отечественном литературоведении – с романом Ф. М. Достоевского "Бесы". Диалог с классиками понимается как этап творческого самоопределения поэта XX века. Трагифирионический пафос анализируемого стихотворения и его скрыто пародийная форма обусловлены культурно-исторической спецификой эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/61.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 217-219. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье анализируется связь стихотворения В. С. Высоцкого «Гербарий» с эпиграммой А. С. Пушкина «Мое собрание насекомых» и – впервые в отечественном литературоведении – с романом Ф. М. Достоевского «Бесы». Диалог с классиками понимается как этап творческого самоопределения поэта XX века. Трагирионический пафос анализируемого стихотворения и его скрыто пародийная форма обусловлены культурно-исторической спецификой эпохи.

Ключевые слова и фразы: Высоцкий; Пушкин; Достоевский; контекст; ирония; пародия.

Шаулов Сергей Сергеевич, к. филол. н.
Бакирский государственный университет
sschaulovv@gmail.com

**«ГЕРБАРИЙ» В. С. ВЫСОЦКОГО И «ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЕ»
ТЕКСТЫ А. С. ПУШКИНА И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]**

Статья написана при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (проект «Национальное и вселенское в поэзии В. С. Высоцкого»; Соглашение № 14.В37.21.1005).

«Гербарий» [1, с. 512-516] никак нельзя назвать неисследованной песней Высоцкого [3, с. 174-175; 8; 9], однако и при подробном анализе и глубокой интерпретации ее сатирических смыслов [8, с. 54-57], на наш взгляд, недостаточно исследован круг ее контекстуальных связей и литературных источников. Даже имеющиеся наблюдения, на наш взгляд, нуждаются в более подробном комментировании (например, указание на контекстуальную связь с известнейшей эпиграммой А. С. Пушкина «Мое собрание насекомых» [5, с. 283]), между тем, как ряд «прототипических» текстов еще не введен в оборот литературоведческой мысли о Высоцком. Таким образом, задачей предлагаемой статьи является обогащение наших знаний об уже открытом контексте песни Высоцкого и одновременно дальнейшее расширение представлений о ее литературных связях.

Для начала попробуем упрочить и развить намеченное в отечественной литературоведческой мысли о Высоцком контекстуальное сближение текстов поэта XX века и Пушкина. Первое бросающееся в глаза сходство – сатирическое уподобление людей насекомым. Литературное окружение Пушкина превращено в экспонаты его коллекции. Причем энтомологические наименования даются в соответствии с чертами характера и облика «персонажей». Так, к примеру, «божией коровкой» в эпиграмме становится Ф. И. Глинка (ср. с юмористической его характеристикой в письме Пушкина Вяземскому: «Фита бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны» [4, с. 194]). Литературный оппонент Пушкина – Каченовский – превращается в «злого паука» и т.д.

Насекомые в песне Высоцкого вроде бы не имеют конкретных «прототипов» (хотя это по-своему тоже интересный вопрос), но даются как типические образы советского общества: «сверчок-дистрофик», севший на «два гвоздочка» (по созвучию – два годочка); «блоха-гнида» [1, с. 514] (последнее наименование, по меткому соображению Кулагина, совмещает энтомологические и обценные смыслы [3, с. 174]). Кстати, в «энтомологическое обобщение» включены не только реалии советского времени. «Два тертых клопика из третьего подвиды», благодаря которым сел на «два гвоздочка» сверчок, ассоциируются не только с охранительными службами советской империи, но и названием соответствующего учреждения в царской России (Третье отделение Его Императорского Величества канцелярии), ставшим нарицательным благодаря уже советской пропаганде.

Стоит, впрочем, отметить, что и Пушкин при публикации своей эпиграммы заменил реальные имена звездочками (кстати, и ее расшифровка вариативна [5, с. 690]), тем самым добившись сатирического обобщения, далеко выходящего за частные цели жанра эпиграммы.

Есть и конкретные текстуальные совпадения, заставляющие думать о присутствии эпиграммы Пушкина в творческом сознании Высоцкого. В «Гербарии» читаем: «А я лежу в гербарии, / К доске прищиплен шпилькой, / <...> Под всеми экспонатами – / Эмалевые планочки, – / Все строго по-научному – / Указан класс и вид...» [1, с. 512]. У Пушкина соответствующее ощущение строго «научной» упорядоченности коллекции выражается так: «Зато, какая сортировка / <...> / Опрятно за стеклом и в рамках / Они, пронзенные насквозь...» [5, с. 283]. Однако то, что у поэта XIX века прозвучало вскользь, у Высоцкого выстраивается в целую картину нового «насекомого» быта лирического героя: «Я гомо был читающий, / Я сапиенсом был, / Мой класс – млекопитающий, / А вид... уже забыл. / <...> И на тебе – задвинули / В наглядные пособия, – / Я злой и ошарашенный / На стеночке вишу» [1, с. 513].

Здесь мы подходим к важнейшему различию двух текстов: «Гербарий» Высоцкого имеет принципиально иную субъектную природу. Лирический субъект эпиграмм и близких к эпиграммам стихотворений Пушкина прежде всего многократно «сильнее» своих персонажей. Выражение «пронзить» стихом (в «Моем собрание насекомых» – эпиграммой) встречается у него не раз, как и сравнение поэтического слова со стрелой

(ср.: «Давай мне мысль какую хочешь: / Ее с конца я заострю, / Летучей рифмой оперю, / Взложу на тетиву тугую, / Послушный лук согну в дугу, / А там пошло наудалую, / И горе нашему врагу!» [5, с. 128]).

Герой «Гербария», наоборот, сам является объектом приложения сил некой надчеловеческой, точнее, «надсекомной» силы. Эта трансформация, на наш взгляд, должна быть истолкована как своеобразное травестирование лирической ситуации пушкинской эпиграммы. Структурно такой процесс чрезвычайно схож с пародированием пушкинских мотивов в песне Высоцкого «Лукоморья больше нет» и некоторых других [3, с. 98-99]. В травестированной, сниженной форме Высоцкий описывает принципиально иное качество поэтического бытия в сравнении с началом XIX века. Нужно, впрочем, иметь в виду, что Высоцкий в таких «пародиях» обращается не к Пушкину в его реально-историческом окружении, а к «Пушкину» – «солнцу русской поэзии», обладавшему силой и особым *правом* «пронзать» своих врагов стихом.

Может быть, нужно сказать и так: у Высоцкого сам поэтический дар ассоциируется не с всемогущей властью Аполлона, а с мучительно обостренной способностью к страданию.

Стоит также отметить, что герой «Гербария» в насекомые «попал», то есть речь идет о внезапном и катастрофическом переходе в новое состояние, собрав же по новому биологическому разряду его не очень привлекают: «Жужжат шмели солидные, / Что надо подчиниться, / А бабочки хихикают / На странный экспонат, / Личинки мерзко хмыкают / И куколки язвят» [1, с. 514].

Структурно этот «сюжет» совпадает с еще одним знаменитым поэтическим экзерсисом на энтомологическую тему – стихотворением героя «Бесов» Ф. М. Достоевского капитана Лебядкина. Собственно, основная часть его текста и посвящена описанию этой ситуации: «Жил на свете таракан, / Таракан от детства, / И потом попал в стакан / Полный мухоедства. / Место занял таракан, / Мухи возроптали, / Полон очень наш стакан, / К Юпитеру закричали» [2, с. 141].

Кстати, у Высоцкого есть и прямой аналог лебядкинского стакана: «Я с этими ребятами / Лежал в стеклянной баночке...» [1, с. 512]. Однако помимо ситуативного совпадения стоит отметить и то, что лебядкинский «таракан» – своеобразное alter ego героя, попавшего, как и описанное им насекомое, в незнакомое и враждебное окружение. Этот образ – проявление и тяжелого комплекса социально-психологической неполноценности героя, и его же попытка «поэтического» самоутверждения. Характерно, что совершается она в иронически-сниженной форме – единственно возможной для «гордых шутов» Достоевского.

Некоторые аналогии этого сложного психологического комплекса можно найти и в «Гербарии». Так, самоподобие Лебядкина таракану (безусловно, одному из самых противных насекомых) находит отражение в невысказанном прямо, но вполне доступном внимательному читателю «видовом» самоопределении героя: «...Намеренно причисленный / К ползучему жучью. / <...> Червяк со мной не кланится, / А оводы со слепнями / Питают отвращение / К навозной гольтыбе...» [Там же, с. 514].

Иными словами, герой «Гербария» причислен не просто к насекомым, а ко вполне определенному семейству – *Geotrupidae*, в просторечии именуемому навозным жуком. В совмещении с пушкинским контекстом «Гербария» это придает дополнительную интенсивность травестийной тенденции стихотворения.

С другой стороны, стоит отметить и то, что в разговорной речи эта номинация часто употребляется как относительно допустимое в обществе ругательство. В этом случае мы имеем дело с характерным для Высоцкого серьезно-игровым развитием разговорной речевой формулы. Ср., например, в тематически и хронологически близкой к «Гербарии» песне «Заповедник» характерное игрословие, построенное на совмещении омонимических значений и актуализации «внутренней формы» слова: «Сколько их в куцах, / Сколько их в чащах <...> / И пресмыкающихся, / И парящих, / И подчиненных, / И руководящих, / Вещих и вящих, / Рвущих и врущих» [Там же, с. 419].

Характерное же трагиироническое (подобное лебядкинскому) отношение героя к себе видно, например, из следующих строк: «Накажут тех, кто спутали, / Заставят, чтоб откнопили, – / И попаду в подгруппу я / *Хотя бы обезьян*» [Там же, с. 513] (*курсив автора – С. Ш.*).

Показательно и то, что оба стихотворения кончаются катастрофическим разрушением сложившегося пространства жизни насекомых. Так, Лебядкин, заканчивая свое стихотворение, по его собственному выражению, «словами» (то есть прозой), рассказывает: «Никифор берёт стакан и, несмотря на крик, выплескивает в лохань всю комедию, и мух, и таракана, что давно надо было сделать. Но заметьте, но заметьте, сударыня, таракан не ропщет! Таракан не ропщет! Что же касается до Никифора, то он изображает природу» [2, с. 141].

Однако если в «Бесах» «таракан не ропщет», то у Высоцкого речь идет о своеобразной «революции»: «И, как всегда в истории, / Мы разом спины выгнули, – / Хоть осы и гундосили, / Но кто силен, тот прав, / Мы с нашей территории / Клопов сначала выгнали / И паучишек сбросили / За старый книжный шкаф» [1, с. 515].

В контексте советской культуры эта картина опять же должна быть определена как травестия официального исторического мифа. Под термином травестия мы здесь понимаем «тип комической имитации, при которой автор заимствует темы, сюжетные мотивы или отдельные образы известного ему чужого сочинения и применением к ним абсурдно —изких” литературных форм трансформирует его смысл» [6, стлб. 1079]. Кстати, в последних двух строчках стихотворения она раскрывается своеобразным признанием неэффективности таких революций: «Жаль, над моею планочкой / Другой уже прибит» [1, с. 516].

Так, «Гербарий» Высоцкого обретает своеобразную историческую перспективу (причем, пародийно-сниженная форма не означает «легкости» философского обобщения), что, в принципе, делает возможным привлечение к его контексту не одного только стихотворения капитана Лебядкина, но и философско-исторического аспекта «Бесов» в целом. Кстати, актуальность этого романа в художественном сознании Высоцкого уже становилась предметом литературоведческого анализа в связи с одним из последних стихотворений поэта – «Слева бесы, справа бесы...» [7, с. 520-521].

Таким образом, от Пушкина Высоцкий заимствует прием сатирического уподобления людей насекомым и характерную эпиграмматичность, подвергая при этом трагедии саму ситуацию поэтической «победы» поэта над врагами. К Достоевскому же восходит неопределенность антропологического положения героя, двойственность его сознания и трагедия «революционного» сюжета. Совмещенный «пушкинско-достоевский» контекст формирует своеобразный трагиронический пафос «энтомологического» бытия героя. Его «насекомое» состояние – яркая метафора психологически и исторически обусловленной дисгармоничности поэтического бытия.

Список литературы

1. **Высоцкий В. С.** Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 640 с.
2. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1974. Т. 10. 518 с.
3. **Кулагин А. В.** Поэзия Высоцкого: творческая эволюция. Воронеж: Эхо, 2013. 230 с.
4. **Пушкин А. С.** Письмо Вяземскому П. А., 25 января 1825 г. Михайловское // Переписка А. С. Пушкина: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 192-194.
5. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. 799 с.
6. **Травестия** // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стлб. 1079-1081.
7. **Шаулов С. М.** О Высоцком на немецком // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2000. Вып. IV. С. 483-531.
8. **Шевяков Е. Г.** Специфика сатиры в поэзии В. С. Высоцкого // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2009-2011. Воронеж: Эхо, 2011. С. 51-57.
9. **Хмелинская М.** Поэтический мир В. С. Высоцкого: реалии, образы, символы // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. Т. 1. Вып. III. С. 60-71.

**V. S. VYSOTSKY'S «HERBARIUM» AND «ENTOMOLOGICAL» TEXTS
BY A. S. PUSHKIN AND F. M. DOSTOYEVSKY**

Shaulov Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philology
Bashkir State University
sschaulovv@gmail.com

The article analyzes the connection of V. S. Vysotsky's poem «Herbarium» and A. S. Pushkin's epigram «My Collection of Insects» with F. M. Dostoyevsky's novel «Demons» for the first time in the Russian literary criticism. The dialogue with classics is understood as the creative self-identification stage of the 20th century poet. The analyzed poem tragic-ironical pathos and its hidden parody form are conditional on the epoch cultural-historical specificity.

Key words and phrases: Vysotsky; Pushkin; Dostoyevsky; context; irony; parody.

УДК 882:417.3

Филологические науки

В статье подвергается исследованию образ Темзы, играющий немаловажную роль в смысловой организации Лондонского текста английской литературы, ключевыми словами которого являются лексемы (the) «Thames» и «river». Анализ, позволяющий сделать вывод о мрачной, зловещей атмосфере данного сверхтекста, осуществляется на материале произведений английских писателей XIX-XX вв. Ч. Диккенса, Дж. Гринвуда, Дж. К. Джерома.

Ключевые слова и фразы: культура; сверхтекст; Лондонский текст английской литературы; образ Темзы; ключевое слово.

Шурупова Ольга Сергеевна, к. филол. н.

Киреева Наталья Викторовна, к. пед. н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Липецке
shurupova2011@mail.ru; karen@lipetsk.ru*

ОБРАЗ ТЕМЗЫ В ЛОНДОНСКОМ ТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ®

По словам Л. Н. Мурзина, у современного исследователя появляется возможность «проложить достаточно надежный путь от языка к культуре, увидеть в последней не просто объект одной из смежных наук, но и нечто большее – феномен, без рассмотрения которого сам язык не может быть осмыслен глубоко и полно» [2, с. 162]. В отечественной науке существует два основных подхода к культуре: ценностный,